

УДК 2-335:2-13

Павлюченков Н.Н.

Научный подход к религии в трудах священника Павла Флоренского

Павлюченков Николай Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), старший научный сотрудник Научного центра истории богословия и богословского образования ПСТГУ

E-mail: npavl905@mail.ru

Автор обращается к религиозно-философским работам священника Павла Флоренского и полагает, что Флоренский представил особо важную концепцию отношения между религией и наукой. Флоренскому удалось соединить свое созерцание открывающихся ему в природе тайн и свой личный религиозный опыт с научным подходом к религии. В его религиозно-философском наследии содержатся элементы истории, философии, психологии, социологии и феноменологии религии. На основе свидетельств из ранних и поздних работ Флоренского дается представление о значимости, прежде всего, его феноменологического подхода к религии.

Ключевые слова: Павел Флоренский, наука, религия, феноменология религии, религиозный опыт, Святое, Высшая Реальность, Истина.

Священник Павел Флоренский более всего известен как религиозный философ, проявивший себя на раннем этапе своего творчества еще и как богослов, а на позднем этапе – еще и как ученый. Об этом можно судить в целом по его трудам, хотя очень часто и в ранних, и в поздний периоды он сознательно пытался совместить философию, богословие и науку для того, чтобы таким образом постепенно подходить к реализации идеала «цельного знания». Но *совмещение* в данном случае не означало *смешения*; научный, философский и богословский методы были призваны не подменять, а дополнять друг друга и рассматривались как исследование *одной и той же* реальности в разных плоскостях¹.

Вне зависимости от того, насколько спорны или беспорны были изначальные убеждения Флоренского, его труды, как представляется, можно рассматривать, в числе прочего, как яркий пример возможностей исследователя, абсолютно уверенного в том, что ему открылась Истина. В случае с Флоренским как раз именно эта уверенность не позволила ему превратить науку о религии в априорную апологию православия; напротив, в целом ряде случаев он стремился проявить к религии как можно более объективный, научный подход, что и было лучшим выражением его твердых убеждений: Истина не боится любого научного исследования, апологетика же вредна, если она нацелена только на поиск недостатков чужих религиозных убеждений и их критику. Подлинная апология Истины заключается в показе объективных фактов при возможно более полном молчании субъективных пристрастий исследователя².

В наследии Флоренского можно выявить элементы философии, психологии, социологии и феноменологии религии, причем именно с последней более всего связано обращение мыслителя к уже развиваемой в то время на Западе «науке о религии». С самого начала неудовлетворенность позитивизмом в науке и собственные духовные поиски привели его в Церковь и, по окончании Московского университета (1904), – в Московскую духовную академию. В частном письме близкому другу (А. Белому) он писал в 1905 г., что именно в этой, «видимой», «исторической» Российской Православной Церкви, сквозь «тысячи недостатков», «выдохшихся символов» и «толстую кору грязи» он увидел «безусловно святую сердцевину». «И тогда я понял, – пояснял он, – что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это...»³. Подобные свидетельства личного опыта переживания святости характерны для всего наследия Флоренского и часто выявляются даже там, где у него внешним образом речь идет лишь о созерцании тайн природы, о способности за предметами внешнего, эмпирического мира, видеть и ощущать скрытое присутствие «иных» миров.

Так, например, в воспоминаниях Флоренский пишет о своих ощущениях «особенного» в природе как откровения

Павел Александрович
Флоренский (1882–1937)

¹ Например, в одном из писем Флоренский фактически утверждал, что в его трудах нет разных концепций, а есть лишь разные точки зрения, разные подходы при постановке одних и тех же целей и задач. См.: Андроник (Трубачев), игум. Теодисия и антроподисия в творчестве священника Павла Флоренского. Томск: Водолей, 1999. С. 180–181.

² См.: Флоренский П. А. <Сочинения>. Т. 2: У Водоразделов Мысли. М.: Правда, 1990. С. 275 – 277.

³ Павел Флоренский и символисты. М.: Мысль, 2004. С. 470.

«мировой тайны» среди обычного порядка вещей¹. При этом сразу становится понятным, что речь идет также и о духовной реальности, которая «просвечивает» сквозь «повседневность» материального мира. «Вот именно там, – утверждает он (в записи, сделанной в июле 1920 г.), – где спокойный ход жизни нарушен, где разрывается ткань обычной причинности, там виделись мне залогов духовного бытия»². Подобные интуиции, по убеждению Флоренского, сопровождали его с самого раннего детства; поэтому неудивительно, что, в рамках научного подхода к религии, он, в числе прочего, занимался фактически той областью знаний, которую в западном религиозоведении в первые десятилетия XX в. стали определять как феноменологию религии.

Уже в работе «О суеверии и чуде» (1903) Флоренский, следуя своему стремлению «наблюдать явления в их чистом виде»³, отказывается обсуждать вопрос о реальности самих явлений, – религиозных и оккультных, – и подчеркивает важность сознательного отношения человека к этим явлениям. В «психологическом изъяснении» 125-го псалма (студенческая проповедь 1907 г.) он предлагает цепочку очень ярких и красочных образов, призывая при этом читателя (и слушателя) «отдаваться потоку образов», а не пытаться их истолковать при помощи каких-либо теорий и логических схем. При этом он опирается на свое убеждение в том, что некоторые образы – феномены в эмпирическом сознании человека – могут быть «проекциями» неких глубочайших переживаний, которые имеют сверхэмпирическую и сверхпсихологическую природу. Такова, по его мнению, суть мифа⁴ и такова суть вообще образов, могущих возникать в сознании при чтении священных текстов. Если оставить эти образы без какого-либо предпосылочного (чаще всего, «загрязненного» эмпирическим материалом) восприятия, то, по мысли Флоренского, произойдет процесс, обратный вышеуказанному «проецированию»: непосредственные переживания образов «перейдут» из сферы эмпирической психики в область «в существе своем невыразимых» и гораздо более глубоких религиозных переживаний⁵.

В 1907 г. в журнале «Христианин» Флоренский публикует призыв к поискам «духовных явлений современного христианского мира» и предлагает верующим возможно более беспредпосылочно *отисать* свои переживания церковных таинств. Такие описания, очевидно, для него являлись фактами религиозной жизни, тем более ценными, чем более они лишены субъективных истолкований. Ссылки на догматику в данном случае также не требуются, поскольку *сами факты* должны показать, что «христианство – не археология, а живая жизнь...», что «и в наших душах... Христос *продолжает* ту духовную работу, которую Он совершил в душах наших предшественников – христиан». Говоря о тяжелом, грозящем духовной катастрофой, религиозном положении современности, Флоренский намеревался на чисто фактическом материале показать церковные таинства как «те точки, где в нашу действительность преимущественно вторгается новая, особенная, творческая сила, преобразующая человека, и через него – всю действительность»⁶.

В свою очередь, это тяжелое «религиозное положение», по мысли Флоренского, возникло вследствие почти повсеместного восприятия религии только как системы *понятий*, которая, – в том виде, как она преподается в семинариях, – оказалась оторванной «от всего живого, от всего интимного, от того, что близко и бесконечно мило, что хватает сердце шемящей тоской по далям». Эта система понятий «выдохнула» из себя «аромат личного религиозного опыта», вследствие чего «системе вероучения причинен... высший ущерб, какой только можно принести высшей духовной ценности – она обесценена для сознания» (доклад Флоренского на философском кружке в МДА, 1906 г.)⁸.

В этом же выступлении Флоренский наметил программу возвращения догматики к ее опытным основаниям: нужна «переработка религиозного мирозерцания», что возможно только «как *свободное* творчество, исходящее из непосредственно-наблюдаемого в духе, ... не боящееся никакой боли, когда надобна операция, когда потребно оторваться от всех традиций, консервативных или прогрессивных, когда обязанность – быть готовым отречься от всего дорогого и близкого и остаться на мгновение в абсолютной пустоте...»⁹. Это, – фактически, – эпохе феноменологической редукции, которая отсекает все стереотипы и ставшие «обесцененными» вероучительные схемы для того, чтобы затем, на материалах свидетельства конкретного религиозного опыта, образовать «базис будущей убедительной догматики»¹⁰. Флоренский при этом безусловно убежден, что эта «новая» догматика не будет новой по существу: «Не истину новую предлагаю на старое место, а места нового требую для старой истины, потому что то место сознания, куда должно поместить эту истину, загромождено хламом»¹¹.

Наука о религии вообще и ее феноменологические методы в частности, для Флоренского, таким образом, с самого начала представляли собой, прежде всего, средство, применяемое в чрезвычайной ситуации; это – разговор с современным сознанием, которое не понимает вообще, что может быть религиозный опыт и убеждается только научными фактами. Для Флоренского несомненно, что *действительно* дескриптивный и *действительно* беспредпосылочный подход к религии и фактам религиозного опыта приведет исследователя к выводам, неспособным разрушить церковную догматику, которая изначально и была построена на тех же фактах¹².

¹ «Особенное». Из воспоминаний П.А. Флоренского. М.: Московский рабочий, 1990. С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Флоренский П. Христианство и культура. М.: Фолио, 2001. С. 343.

⁴ Там же. С. 418.

⁵ Флоренский П.А. «Психологическое изъяснение» 125-го псалма // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 161.

⁶ Флоренский П. Христианство и культура. С. 421.

⁷ Там же. С. 453–454.

⁸ Там же. С. 451. Р. Отто в 1917 г. фактически указывал на то же самое, когда говорил о чрезмерной рационализации Святого. Ср.: Отто Р. Священное. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 9–10.

⁹ Флоренский П. Христианство и культура. С. 459.

¹⁰ Там же. С. 460. Ср.: «Необходимо заново ответить на вопрос: из каких и из чьих переживаний строится догматика?» (Там же. С. 462).

¹¹ Там же. С. 458.

¹² Ср. из записей Флоренского: образ христианской церковной догматики как «путеводителя» по опасным горным тропам, который создан теми, кто уже ходил этими путями: «Мистическое развитие сравню с путем в горы. Выше и выше поднимаешься к небу, но более и более делается опасность слететь в пропасть... Географические карты и планы, составленные людьми, уже восходившими на эти высоты, совершенно необходимы. Это – учение Церкви, догматы, направляющие путь» (запись 27 августа в Оптиной пустыни // Павел Флоренский и символисты. С. 515).

Факты религиозного опыта свидетельствуют о наличии Высшей трансцендентной по отношению к миру Реальности, которая у Флоренского (как у И. Ваха) ничем не обусловлена и Сама обуславливает все существующее. Флоренский обозначает ее как «Само-доказательная Истина», Истина, которая «Сама Себя делает Истиной»¹. Он достаточно резко выступает против «кантовской» философии Нового времени, согласно которой сознание определяет истину. Напротив, подчеркивает он, сознание *созидается*, встречая Истину и точно также человек не сам собой (методически, путем накопления знаний, опыта) доходит до убеждения в подлинности произошедшей встречи. Иначе можно сказать, что религиозное сознание, по Флоренскому, *интенционально*; встреча с Высшей Реальностью, знание Ее и *узнавание* Ее в качестве Истины невозможно без самого Ее действия, преображающего разум и всего человека.

Не-от-мирность, трансцендентность этой Реальности производит в человеке, согласно Флоренскому, – те же переживания, которые Рудольф Отто назвал моментами нуминозного. Страх Божий, – говорит Флоренский в лекциях по «Философии культа», – «возбуждается прикосновением к *новому*, всецело новому – против нашей повседневной жизни. В чреду впечатлений мира вклинивается *не-от-мирное, иное*. И, вклиниваясь, разрывает ткань обычного..., ожогом ожигает наше Я: из Времени мы узрели Вечность [курсив о. Павла Флоренского – Н.П.]. «Вся религия и всякая религия полна и пронизана этим неизъяснимым страхом Божиим»². Вместе с тем, эта *страшная* Реальность открывается при встрече как Свет, она, как и весь духовный, невидимый мир, «окружает нас, и мы – как на дне океана, мы тонем в океане благодатного света»³. В этом Свете «Истина непременно выявляет себя» и «вид ее перехода на другого – любовь»⁴. Очевидно, что это и есть «притягательный», «очаровывающий» аспект нуминозного, по Р. Отто⁵. Как позднее у Г. Меншинга, у Флоренского Высшая Реальность выражает себя в чем-то *особенном* и может быть одновременно «опасной» и «полезной»⁶.

Как и позднее Р. Отто, Флоренский указывал на негативный для религии процесс морализации Святого, смещения Священного с «добрым»; однако в данном случае для Флоренского, в конечном итоге, был важен особый акцент на восприятии Святого «новым» человеком, т.е. человеком, обновленным с приходом Христа. Как и все представители классической феноменологии религии, Флоренский был убежден в коренном единстве всех религий⁷ и, как многие из них, полагал, что в христианстве религия и религиозность достигают своего высшего, наиболее чистого (от человеческих ошибок и заблуждений) выражения. Он также (особенно перед лицом воинствующего антихристианства в России в 1920-х гг.) исповедовал убеждения, которые можно назвать «экуменическими». Однако, его восприятие того обновления, которое достигнуто человеком во Христе (начало которому полагается в таинстве св. Крещения) было гораздо более глубоким, что, в конечном итоге, не позволило ему направлять свои усилия на создание какой-либо универсальной «матрицы» религии с использованием категории «Святое». «Святое», «святость» – это, в трактовке Флоренского, только центральный, основной *признак* в характеристике Высшей Реальности, который обуславливает для человеческого сознания возможность всех остальных признаков. Обновленный во Христе человек не может уже удовлетвориться созерцанием Божественных сил, разлитых в мире. Очевидно, что «Святое» (в среднем роде) – хотя и основной из требуемых, по Флоренскому, новым человеком, но все же *признак*, еще не выводящий «полностью» на Того, Кто им обладает.

Это – очень существенный момент, поскольку именно тем действием, которое в человеке производит Христос, Флоренский обосновывает для человека *теперь* – жизненную необходимость *удостовериться* в Высшей Реальности как в *личном* Существо. «Новый человек, – говорит Флоренский, – покуда не удостоверится в Личности Божией, покуда *собственными глазами* не узрит Его как *Святого*, до тех пор возрожденное сознание останется вовсе без Бога. Современный человек будет мучиться призрачностью шеола, беспредельно и безостановочно падать во «тьме внешней», – будет, надрываясь, «взывать из глубины» ко Господу, Которого не знает, но не сможет он склониться пред Тем, кто, может быть, только и имеет право силы. Кто, может быть, – идол и узурпатор»⁸.

Иначе говоря, недостаточно одного Божественного «Ты» без, – ставшего очевидным в опыте, – признака Святости. И точно также, недостаточно одной ощущаемой «святости» без прямой встречи с Тем, Кто эту святость являет. «Христианство... ста-

Иоахим Вах (Joachim Ernst Adolphe Felix Wach; 1898–1955), протестантский теолог и религиовед, социолог, религиозный деятель, историк религии

Рудольф Отто (Karl Lui Rudolf Otto, 1869–1937) евангелический теолог, религиовед, феноменолог

Густав Меншинг (Gustav Mensching, 1901–1978), религиовед, социолог

¹ Флоренский П. А. <Сочинения>. Т. 1(2): Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. С. 822.

² Павел Флоренский, свящ. Философия культа. М.: Мысль, 2004. С. 28.

³ Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 90.

⁴ Флоренский П. А. <Сочинения>. Т. 1(1): Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. С. 88.

⁵ См.: Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 227 – 229.

⁶ Ср. созерцания из воспоминаний: вода у пристани – «особенно таинственная». Она – прозрачная и «насыщенно зеленая», вся светится, напоенная светом, «ядовитым и полным угрозы», но, вместе с тем, – «преисполненная творческих сил» (Павел Флоренский, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Московский рабочий, 1992. С. 53).

⁷ См., напр.: «Нет религий, а есть одна Религия» (Там же. С. 119); «Всякое исповедание и всякая религия опираются в какой-то мере на подлинную духовную реальность...» (Флоренский П. Христианство и культура. С. 627).

⁸ Там же. С. 446.

вит лицом к лицу с Самою трансцендентною Личностью Божией¹ и открывает невозможность далее говорить об «Истине» в третьем лице, поскольку Сама эта Истина есть, как, в числе прочего, выясняет Флоренский, – «Субъект»². Таким образом, то, что Святое – это Христианский Бог, обосновывается у Флоренского данными христианского религиозного опыта, пережить который отныне, в христианскую эпоху, становится жизненно необходимым для каждого человека. Альтернатива этому – бесплодное мучение и «надрыв», приводящие в конечном итоге тварь в соприкосновение с не-бытием³.

Все эти относящиеся к феноменологии религии идеи были высказаны русским мыслителем совершенно независимо от западных авторов и, по большей части, за несколько лет до выхода в свет работы Р. Отто «Святое» (1917). Также и после 1917 г. знакомство Флоренского с работами классиков Феноменологии религии представляется практически невероятным; тем больший интерес представляют его концепции, являющиеся, по сути, единственным вариантом достаточно разработанной феноменологии религии, предложенным православным автором⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроник (Трубачев), игум. Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского. Томск: Водолей, 1999.
2. Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
3. «Особенное». Из воспоминаний П.А. Флоренского / Сост. и вступ. ст. А.В. Гулыги. М: Московский рабочий, 1990.
4. Отто Р. Священное. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
5. Павел Флоренский и символисты: опыты литературные, статьи, переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Павел Флоренский, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Московский рабочий, 1992.
7. Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996.
8. Павел Флоренский, свящ. Философия культа. М.: Мысль, 2004.
9. Флоренский П. Христианство и культура. М.: Фолио, 2001.
10. Флоренский П.А. <Сочинения>. Т. 1(1): Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990.
11. Флоренский П.А. <Сочинения>. Т. 1(2): Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. 837 с.
12. Флоренский П.А. <Сочинения>. Т. 2: У Водоразделов Мысли. М: Правда, 1990.
13. Флоренский П.А. «Психологическое изъяснение» 125-го псалма // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 161–165.
14. Arinin E. "Religion, Theology and Science in Russia." *European Journal of Science and Theology* 9.3 (2013): 119–128.
15. Camilleri C. "Pavel Aleksandrovič Florenskij's Method of Discerning Spiritual Truth." *Acta Theologica* 33 (2013): 228–246.
16. Cassidy S. "P.A. Florensky and the Celebration of Matter." *Russian Religious Thought*. Eds. J.D. Kornblatt and R. Gustafson. Madison: University of Wisconsin Press, 1996, pp. 95–111.
17. Komkov O. "The Vertical Form: Iconological Dimension in 20th Century Russian Religious Aesthetics and Literary Criticism." *Literature and Theology* 20.1 (2006): 7–19.
18. Mensching G. *Structures and Patterns of Religion*. Livingston, NJ: Oriental Book Distributors, 1976.
19. Mensching G. "The Masses: Folk Belief and universal Religion." *Religion, Culture and Society: A Reader in the Sociology of Religion*. Ed. L. Schneider. New York: John Wiley, 1964, pp. 269–272.
20. Otto R. *Religious Essays: A Supplement to 'The Idea of the Holy'*. New York: Oxford University Press, 1937.
21. Otto R. *The Idea of the Holy: An Inquiry Into the Non-rational Idea of the Divine and Its Relation to the Rational*. Oxford: Oxford University Press, 1931.
22. Sabaneeff L. "Pavel Florensky – Priest, Scientist, and Mystic." *Russian Review* 20.4 (1961): 312–325.
23. Schneider Christoph. "'Will the Truth not Demand a Sacrifice from Us?' Reflections on Pavel A. Florensky's Idea of Truth as Antinomy in The Pillar and Ground of the Truth (1914)." *Sobornost* 34.2 (2013): 34–51.
24. Wach J. "General Revelation and the Religions of the World." *Journal of Bible and Religion* 22.2 (1954): 83–93.
25. Wach J. "The Interpretation of Sacred Books." *Journal of Biblical Literature* 55.1 (1936): 59–63.
26. Wach J. "The Place of the History of Religions in the Study of Theology." *The Journal of Religion* 27.3 (1947): 157–177.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Павлюченков, Н. Н. Научный подход к религии в трудах священника Павла Флоренского / Н.Н. Павлюченков // *Пространство и Время*. — 2015. — № 1–2(19–20). — С. 183–186. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provgr_st1_2-19_20.2015.53.

¹ Там же. С. 447.

² Флоренский П. А. <Сочинения>. Т. 1 (1). С. 48–49.

³ См.: Там же. С. 205–206.

⁴ Речь, разумеется, не идет об оставшемся чисто номинальным православии М. Элиаде.